

Е.В. Захаров

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ПРОЗЕ ДАНИИЛА ХАРМСА

«Конь: Ах как вкусно! Ах как сладко!» (1,68).

В прозе ленинградского авангардного писателя Д. Хармса, чье творчество пришлось на 20-30-е годы, персонажи едят и пьют довольно часто. Однако они не пиршествуют, не сибаритствуют. Прием пищи в прозе Д. Хармса представлен как нелегкий, трагический труд. Пища вещного мира тотально не вкусна и, более того, вредна для здоровья персонажа: «Съев макароны, Александр Иванович говорит, что его тошнит, и ложится на диван. Иногда макароны выходят обратно» <1935-1936> [1, 300].

Персонаж рассказа «Один человек, не желая более питаться сушеным горошком» (1937) не решается приобрести подобные продукты: «По цене доступна была колбаса, красного цвета, с темно-серыми точками. Но колбаса эта пахла почему-то сыром, и даже сам приказчик сказал, что покупать ее не советует» [1, 168]. Доступная по цене, но сомнительного качества колбаса является символом устрашающего финансового, социального, интеллектуального и/или нравственного положения персонажей прозы Д. Хармса.

В тех случаях, когда пища не является малосъедобной, персонаж-«недочеловек» сам способен сделать ее таковой: Иван Иванович Сусанин, задумавшись, съел вместе с антрекотом кусок своей бороды [1, 331], а «Бобров шел по дороге и думал: почему, если в суп насыпать песку, то суп становится невкусным» <1930> [1, 39],

Иногда персонаж выбирает себе в пищу совершенно не пригодные вещи: « - Господа! – крикнул Шувев. – Я предлагаю вам выпить уксусу!» <1933-1935> [1, 130];

«Даваясь от отвращения, он съел всю кашу и выскреб ложкой и пальцами дно ведра» [1, 209];

или «И вот инвалид труда стал все чаще и чаще прикладываться к выгребным ямам» [1, 112].

Несмотря на широко представленные в прозе писателя акты поедания и питья, вкусовые ощущения являются наименее представленным элементом чувственной картины мира. Порой повествователь утрачивает представление о самой возможности вкусовых ощущений. Так, в рассказе «Одна муха ударила в лоб...» <1929-1930> в описании блюд отсутствуют их названия, а также любые детали, способные спровоцировать в сознании читателя вкусовую или сопутствующую ароматическую картину: «Гости ели жидкие и твердые блюда» [1, 43].

В рассказе «Старичок чесался обеими руками...» <1933-1934> отсутствует упоминание о кислом вкусе клюквы: «Хвилищевский ел клюкву, стараясь не морщиться. Он ждал, что все скажут: какая сила характера! Но никто не сказал ничего» [1, 110]. И хотя он общеизвестен, в данном случае ссылка на него необходима, так как она – звено логической цепи и необходима для пояснения мотивации поступка героя. Появляется некоторый информативный пробел, отсутствует подтверждение читательских представлений и знаний о вкусовой (и не только) картине мира. Соответственно, действия персонажа обесмысливаются.

Доминантой вкусовой картины мира прозы Д. Хармса является оппозиция сладкий/кислый. Отметим, что на поверку противопоставление кислого и сладкого вкуса в прозе Д. Хармса является фиктивным, так как оба ощущения - источники отрицательных эмоциональных переживаний персонажей. Так, в рассказе «Всестороннее исследование» (1937) герой проглатывает «исследовательскую пилюлю», от которой умирает, пережив ряд неприятных ощущений: «Ой! Фу! Какой сладкий отвратительный вкус!» [1, 173]. А в рассказе «Я решил растрепать одну компанию...» <1935-1936> кислый вкус пищи становится уничижительной характеристикой человека:

«Начну с Валентины Ефимовны.

Эта нехозяйственная особа приглашает нас к себе и, вместо еды, подает к столу какую то кислятину. Я люблю поесть и знаю толк в еде. Меня кислятиной не проведешь!» [1, 295].

Положительные вкусовые ощущения (и эмоции) в произведениях Д. Хармса доступны только представителям непознаваемого («инога») мира,

к каковым можно отнести упомянутого в эпитафии говорящего коня и обительницу Рая - Еву, персонажа «Грехопадение или познание добра и зла. Дидаскалия» (22 сентября 1934):

«**Ева:** Вот это дерево познания добра и зла. Адам запретил мне есть плоды с этого дерева. А интересно, какого они вкуса? <...> Ах, как вкусно!» [1, 94].

Таким образом, в художественном мире прозы Д. Хармса приятный вкус яблока познания доступен лишь обитателю рая (ноуменальной части мира), а попытка познать окружающий мир через вкус пищи приводит персонажей-«недочеловеков» вещного мира к нелепому (суп с песком), а иногда и отвратительному («Маленький мальчик ел из плевательницы какую-то гадость» [1, 336]) экспериментаторству. «Сладость» исследования жизни оборачивается смертью и молчанием мира, а познаваемый мир оказывается принципиально непознаваемым.

Список литературы

1. Хармс Д. Собрание сочинений: В 3 т., Т. 2: Новая Анатомия; вст. ст., подг. текста и коммент. В. Н. Сажина. - СПб.: Азбука, 2000. – 416 с.